

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/15

УКРАИНА И РОССИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ*

З.И. Резанова¹, К.С. Шияев²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

В статье исследуются концептуальные метафоры, используемые проправительственными и оппозиционными российскими СМИ с целью представления в определенной перспективе конфликта, продолжающегося с декабря 2013 г. Путем применения теории концептуальной метафоры и методов дискурс-анализа мы выделяем как сферы-источники метафоры (болезнь / безумие, торговля, театр, игра, криминал), так и ее сферы-мишени (российские и украинские политические лидеры, народы, территории и др.). Анализ аксиологического измерения этих метафор показал, что оба типа изданий применяют их с целью представить пророссийскую или украинскую сторону конфликта в негативном ключе, используя для этого разные сферы-мишени.

Ключевые слова: дискурс-анализ, концептуальная метафора, Россия, Украина, социальный конфликт, политический дискурс.

---

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ (№ 8.1.37.2015Л).

UKRAINE AND RUSSIA IN THE SOCIAL CONFLICT: METAPHORICAL MODELING IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE*

Z.I. Rezanova¹, K.S. Shilyaev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: shilyaevc@gmail.com

Abstract

The present study is dedicated to discovering the conceptual metaphors that are used by the Russian pro-government and opposition media in order to provide a particular perspective of the conflict that has taken place since December, 2013. By applying the theory of conceptual metaphor and methods of discourse analysis, we highlight both the sources of metaphor (disease / madness, commerce, theater, game, crime) and its targets (Russian and Ukrainian political leaders, peoples, and territories). We also analyze the axiological dimension of these metaphors and discover that in both types of media these metaphors are used to portray the sides of the conflict in a negative light, albeit with different targets.

Keywords: discourse analysis, conceptual metaphor, Russia, Ukraine, social conflict, political discourse.

Социальные конфликты – объект интенсивного медийного представления и интерпретации. В соответствии с реализацией базовых функций медийных дискурсов – информирование и убеждение – средства массовой информации, информируя, создают образ события. СМИ, с одной стороны, действуя от лица определенных государственных, общественных институтов, с другой, ориентируясь на системы идеологических, этических, эстетических интересов и ожиданий адресной группы, моделируют образ событийного новостного ряда в сложном переплетении действий, участников в разнообразии их социальных типов и ролевых распределений. Существенно важной частью моделируемого образа событийного ряда является его комплексная (этическая, утилитарная, нормативная и т. д.) оценка. При

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program (№ 8.1.37.2015Л).

этом отметим, что и информационный, и аксиологический аспекты моделирования реализуются как «открыто» – в системе дескриптивных и оценочных суждений, так и в качестве скрытых, имплицитных, выраженных в поверхностной структуре текста дескриптивными суждениями, усиливающих эффект их манипулятивного потенциала, что неоднократно отмечалось в лингвистических, социологических, культурологических исследованиях медиадискурса (Hall et al. 1980; Fairclough 1995; Чернявская 2006; van Dijk 2008 и др.).

Одним из мощных средств концептуального и языкового моделирования объектов, ситуаций, их базовых признаков и формирующих их конкретных ситуаций, а следовательно, и средством манипулирования сознанием адресата медийных дискурсов, является концептуальная метафора. О когнитивных основаниях манипулятивных эффектов использования в тексте метафор писал Дж. Лакофф, основатель когнитивной теории метафоры: «Понимание включает в себя опору на фреймовую логику. Во многих случаях используется и метафорическое мышление. Когнитивная семантика обнаружила, что мы думаем в терминах концептуальных систем, которые соотносятся друг с другом и создают смыслы. В дискурсе наши системы концептов используются, чтобы придать смысл тому, что говорится открыто» (Lakoff 2009). Исследователь доказывает эффективность применения методики концептуального метафорического моделирования нормативных картин мира при исследовании манипулятивных технологий, реализуемых в разных типах дискурсов: «Когда мы применяем эту технику анализа к политическим речам, интервью, звонкам на ток-шоу, передовицам, докладам комиссий, письмам в редакцию, блогам и так далее, вновь и вновь проявляются некоторые паттерны мышления – общие образы мышления, основанные на понимании того, что есть правильный поступок. Часть этого осознается и явно присутствует в языке. Однако 98 % происходит без участия сознания, невидимо, но придает смысл тому, что сказано».

Базовые идеи знаменитой книги «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff, Johnson 2003) были активно восприняты в научном сообществе, и в течение последующих десятилетий проблемы моделирующего, и, как следствие, манипулятивного потенциала концептуальных метафор (КМ) глубоко и разноаспектно рефлексировались применительно к разным этно- и социокультурным ситуациям и в теоретическом плане, и в плане прикладного использования в политтехнологиях, в рекламном деле и т. п. (Шиловская 2008; Каслова 2013; Gibbs 2014 (см. также весь сборник); Landau et al. 2015 и др.).

В ряду таких исследований находится и работа А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале», которая явилась началом лин-

гвистической диагностики политической жизни России в динамике социальных, политических перемен ее новейшей истории с использованием метафорического зеркала. Закljučая анализ, автор отмечал: «Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что... исследовано не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом дискурсе. Как известно, реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующие проблемы (как приуменьшали их средства массовой информации в период застоя)». Со ссылкой на немецкого исследователя Ст. Ульманна (Ульманн 1970: 253) А.П. Чудинов подчеркивал, «что источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения всегда служат семантические сферы, вызывающие особое внимание в народном сознании» (Чудинов 2001). Социальные внутри- и межгосударственные конфликты, несомненно, принадлежат к сфере повышенного внимания всех слоев общества, что не может не находить отражения в темах медиадискурсов, развитие которых в текстах опирается на моделирующий потенциал концептуальной метафоры (см., например, работы: Будаев 2010; Antonova 2013; Antonova 2014).

Предмет анализа в данной статье – направленность метафорического моделирования, прорисовка образов Украины и России в условиях острого межгосударственного геополитического конфликта с использованием моделирующего потенциала концептуальных метафор в современном российском медиадискурсе. Непосредственный источник анализа – российские интернет-издания «Российская газета» (rg.ru), «Аргументы и факты» (aif.ru) и «Грани.ру» (grani.ru).

Принцип отбора источников исследования определялся постановкой частной задачи: мы пытаемся проследить моменты общности и различия в медийном моделировании российско-украинского конфликта, противопоставляя тему/объект моделирования (Украина vs Россия) и типы позиционирования соответствующего медийного источника в информационном и социально-политическом пространстве России. Мы анализировали тексты трех изданий: «Российская газета» (РГ), еженедельник «Аргументы и факты» (АиФ) и интернет-издание «Грани.Ру» (ГРу). «Российская газета» является официальным изданием, публикующим в том числе государственные документы (<http://www.rg.ru/about/index.html>). Еженедельник «Аргументы и факты», хотя и не заявляет себя как проправительственное издание, представляется нам достаточно лояльным российским властям, в пользу чего свидетельствует факт приобретения издательского дома «АиФ» мэрией Москвы в 2014 г. (<http://www.vedomosti.ru/business/>

articles/2014/03/12/moskva-kupila-gazetu-argumenty-i-fakty). Интернет-издание «Грани.Ру» позиционируется как оппозиционное и именно в таком качестве часто упоминается в других СМИ, в том числе в материалах портала «Лента.ру» (<http://lenta.ru/news/2014/03/13/nomoremedia/>), журнала «Forbes» (<http://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/297821-dostup-zapreshchen-kakie-saity-popadali-v-chernyi-spisok-roskomnadzor>), агентства «Интерфакс» (<http://www.interfax.ru/russia/364527>).

Таким образом, материалом для нашего анализа является тематически организованный субдискурс (термин И.В. Силантьева (Силантьев 2006)) медийной коммуникации, дискурсообразующим признаком которого является единство темы: российско-украинский геополитический конфликт. Наличие такого субдискурса маркируется на интернет-страницах изданий в советующих тематических рубриках.

Для анализа привлекались тексты данных изданий с декабря 2013 до сентября 2015 г. Всего было привлечено 300 текстов.

Медиаиздания, информируя россиян о разворачивании внутриукраинского конфликта, который с течением времени стал осознаваться как российско-украинский, направленно формируют общественное мнение соотечественников. Анализ систем метафорического моделирования рассматривается нами как средство лингвистической диагностики способов, типов медийного моделирования социальных конфликтов. Лексические метафоры – репрезентанты концептуальных метафор в тексте – выступают в качестве сильнейшего средства манипулятивного воздействия, что базируется на особенностях когнитивной структуры концептуальной метафоры.

Концептуальная метафора являет собой отражение набора конвенциональных связей между элементами разных концептуальных сфер. Сфера-источник метафорического моделирования как область, эмпирически данная в опыте человека, наполненная широким кругом ассоциативных связей, в том числе различной модальности, в первую очередь оценочной, задействуется как основание образа целевой сферы метафорического моделирования. Это целостная, структурированная концептуальная область в современной когнитивной лингвистике интерпретируется как фреймовая структура, содержащая логические компоненты (концепты и их отношения) и вместе с тем совокупности модусных смыслов (модусы возможности, оценки др.), что позволяет рассматривать ее как базу моделирования социально актуальных тем через систему выдвижений элементов фреймовых структур (Пшенкин 2006; Мурай 2010; Резанова, Шилиев 2014).

В данной статье мы выявляем, какие концепты анализируемой политической ситуации (узлы, слоты фреймовых структур) входят

в зону активного осмысления в медийных текстах, какие концептуальные метафоры при этом выдвигаются на первый план, какова доминирующая аксиологическая направленность метафорического моделирования, полагая, что манипулятивная сила метафорического слоя текста определяется силой его интерпретационного, моделирующего потенциала (Найдина 2015).

Проведенный анализ текстов названных источников позволил выявить тематические доминанты метафорического моделирования (в терминах теории концептуальной метафоры – сферы-мишени (target) в структуре концептуальной метафоры) в новостных и аналитических текстах названных дискурсов, моменты их общности и различия. К тематическим доминантам относим Россию и Украину, представляемых в целостности их государственного устройства как некое единство народа и государственной структуры. Эти темы являются ведущими во всех изданиях. Однако их относительная частотность в анализируемых изданиях различна: в РГ и АиФ в фокусе метафорического моделирования находится Украина, в издании ГРу – Россия. Далее, в порядке убывания, следуют темы метафорического моделирования: в РГ и АиФ – это властные структуры Украины: Рада, правительство, его органы; политические деятели (П.А. Порошенко, А.П. Яценюк), реже – народ Украины. В текстах ГРу обнаруживается иная иерархия. В центре образного метафорического моделирования находится фигура лидера государства, президента России В.В. Путина, затем следуют в порядке убывания частоты метафорического моделирования – образ России, властных структур, политиков, народа России.

Подобный тип распределения «тематических» предпочтений в сферах метафорического моделирования, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о признании и оппозиционным изданием В.В. Путина более сильным лидером, определяющим в значительной мере развитие геополитического конфликта, по сравнению лидерами государства, находящегося на противоположной стороне.

Выделенные тематические области метафорической интерпретации занимают, как правило, субъектные и объектные позиции в событиях широкого социального конфликта. Выявив, на основе каких концептуальных сфер-источников (source) моделируются данные сферы-мишени (target), мы определяем системы концептуальных метафорических моделей, создающих образ конфликта и его оценку как в целом, так и отдельных фактов, составляющих сложную мозаику событийного ряда конфликта.

Образ российско-украинского конфликта в текстах анализируемых медийных источников в значительной степени является результатом эффекта взаимодействия метафорических рядов текстов, которые

в совокупности репрезентируют прежде всего **морбиальную, театральную, игровую, коммерческую и криминальную концептуальные метафоры**, определяемые типами концептуальных сфер, на основе которых происходит моделирование элементов социального конфликта. Это структурные метафорические модели, по типологии Дж. Лакоффа, т. е. такие, моделирующая сила которых в значительной степени опирается на их способность структурировать интерпретируемую концептуальную сферу в соответствии со структурой сферы-источника, вследствие чего каждая лексическая метафора в тексте обладает способностью не только актуализировать локальный переносный смысл, но и отсылать к спектру смыслов, в том числе модусных, отражающих всю ситуацию в целом.

В ряду структурных концептуальных метафор, представляющих российско-украинский конфликт, доминирующее место занимает **морбиальная метафора**, в концептуальной структуре которой *нечто представляется как болезнь*. В данном случае состояние Украины и России как участников геополитического конфликта интерпретируется в терминах болезни. Эта концептуальная метафора, с одной стороны, может быть проинтерпретирована как вариант более общей модели – антропоморфной, в рамках которой *нечто* (в данном случае – Украина, Россия) *предстает как человек*, что позволяет гуманизировать образы государств, отождествив их с человеком. С другой стороны, в данной модели значимыми являются смыслы деструкции, повреждения, что в сочетании с антропоморфными смыслами актуализирует смысл «боль», имплицитный модусы сочувствия, сопереживания субъекту. Симптоматично, что данный концепт привлекается в анализируемых текстах для создания образа протекающих на Украине реформ: *Западные регионы, бывшие мотором «евромайдана», стали для Киева **болевым точкой*** (РГ. 29.01.2015. Война повернула на Запад. Антитеррористическая операция угрожает уже и Галичине. Петр Лихоманов); *Министр финансов США Джэйкоб Лью напомнил Украине, что на западные деньги страна может рассчитывать только при проведении **болезненных реформ** в финансовой и энергетической сфере* (РГ. 28.01.2015. Киев на бобах. В обмен на деньги США вновь потребовали от Украины реформ. Игорь Дунаевский).

При моделировании конфликта оказываются задействованными следующие слоты фрейма «болезнь»:

- 1) состояние болезни, включающее симптомы: ощущения больного человека и внешние признаки болезненного состояния, проявляющиеся в поведении и особенностях внешнего вида человека;
- 2) протекание болезни с ее ключевыми этапами: начало, течение и выздоровление или смерть;

3) субъект, переживающий болезнь;

4) смежные ситуации, связанные с действиями других людей по отношению к больному: диагностика, лечение (возможно, погрешение). Смежные ситуации также являются сложными по структуре, включая субъекты, конкретные обстоятельства, предметы, вовлекаемые в ситуации.

Однако существенно важным при этом является то, какой тип болезни избирается для моделирования социальных явлений – телесной или психической: состояние главных участников геополитического конфликта моделируется на основе концептуальной сферы психических болезней, представляемых как непосредственно через привлечение имен болезненных состояний (в том числе алкоголизма, наркомании) и носителей этих состояний, так и весьма часто – через проявления этих болезней, например бред.

В РГ и АиФ в качестве сферы-мишени выступают:

а) народ Украины: *многие украинцы потеряли разум. И это, наверное, самая большая утрата. Иначе они не призывали бы к продолжению войны* (РГ. 18.02.2015. Год кровавого тумана. Петр Лихоманов). *Увы, после майдана мы наблюдаем страшное отупение и зомбирование множества людей* (АиФ. 10.06.2015. Над пропастью во лжи. Кому война на Украине – мать родна? Георгий Александров); *Но для большинства украинцев эта логика пока недоступна – слишком галлюциногенные и абстрактные картины рая на земле рисовали им европейские зазывалы, не ко всем еще пришло отрезвление* (РГ. 19.02.2015. Год кровавого тумана. Игорь Зубков);

в) государственные органы Украины: *«Складывается впечатление, что всех новоназначенных в СБУ украинских чиновников молниеносно поражает какая-то странная болезнь: они сначала брякают что попало, а только потом пытаются задуматься»*, – отметил генерал Конашенков. (РГ. 05.08.2015. Минобороны России констатировало «странную болезнь» у СБУ. Иван Петров); *Впрочем, сомнительно, что этот закон даже дойдет до сессионного зала – к счастью, это не первый бредовый законопроект, сгинувший в канцелярии украинского парламента. Но с другой стороны, новейшая история украинского парламентаризма показывает – нет такого бреда, который на Украине не мог стать законом или хотя бы попасть в топ новостей* (РГ. 08.07.2015. Споткнулись на истории. Украинским депутатам предложили запретить слово «Россия». Петр Лихоманов);

с) президент: *Участник заседания, глава думского комитета по международным делам Алексей Пушков поставил Порошенко диагноз* (РГ. 09.07.2015. Не знают берегов. Сергей Нарышкин подверг критике изменения в Конституции Украины. Татьяна Замахина).

В качестве внешних участников ситуации болезни, тех, кто ставит диагноз, выписывает рецепты и лечит, выступают российские государственные органы или их представители. Так, в предыдущем контексте роль врача приписывается Алексею Пушкиву.

В оппозиционном издании мы находим зеркальное отражение интерпретации ситуации. В качестве субъекта болезни предстают:

а) глава государства: *Если же разглядывать Россию и самого Владимира Владимировича глазами западных политиков и генералов НАТО, то они ведь и вправду до сих пор не знают, **утратил он связь с реальностью или не утратил*** (ГРу. 22.05.2015. Что кинет он? Илья Мильштейн);

в) российский народ: *Соответственно, и кризис, пожирающий Россию, не вызывает у добрых бюргеров и у тех, кого они выбирают, острого желания помочь, кредитовать и прислать доктора (в хорошем смысле). **Поскольку больной неизлечим, да к тому же еще и буйный*** (ГРу. 17.12.2014. Долгая яма. Илья Мильштейн); ***Россия все еще мечется в красном жару*** (ГРу. 10.04.2015. Война и кумир. Виталий Портников).

Как видим, в качестве диагностов и тех, кто может или уже не может излечить больного, выступают третьи страны: ***А гибель нашего пациента будет просто зафиксирована генеральной ассамблеей патологоанатомов*** (ГРу. 27.02.2015. Война на самоистощение. Виталий Портников).

Интерпретационная сила морбиальной концептуальной метафоры заключается в том, что она интерпретирует событие как такое, которое затрагивает самое существо субъектов, его переживающих, подчеркивая его деструктивное значение для самих субъектов геополитических процессов.

Две следующие концептуальные метафоры – **игровая и театральная**, которые могут быть рассмотрены как один из видов игровой¹, – направлены на формирование совсем другого образа конфликта – образа его смоделированности.

Для понимания направленности моделирования геополитического конфликта с опорой на театральную метафору, важно выявить, какие из слотов сложного организованного мотивирующего фрейма «театр» при этом избираются. В анализируемых изданиях, во-первых, за счет привлечения видов постановок (шоу, мыльная опера, третьеразрядная постановка и т. д.) в качестве сфер-источников концептуальной метафоры дается общая, комплексная отрицательная оценка характера конфликта как результата непрофессиональной деятельности ее «авторов», во-вторых, через оппозицию авторов, режиссеров, актеров и зрителей, противопоставляются явные и тайные участники конфликта – через образы кулис и закулисья, характеризуется позиция тех, кто определяет течение конфликта, и тех, кто бывает вовлечен в него.

В РГ и АиФ развитие политической жизни Украины определяется через «низкие» жанры сценического искусства: ***Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях*** (АиФ. 28.07.2015. Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях. Екатерина Ларинина); ***События на политической арене Украины всё больше напоминают заезженную «мыльную оперу»*** (АиФ. Там же); ***...пытались убедить Запад (к счастью, пока не очень успешно) в необходимости срочно вооружить их до зубов с целью нападения на Россию. В общем, делали все возможное, чтобы «шоу» продолжалось*** (РГ. 21.02.2015. Год после «майдана»: как разрушили Украину. Владислав Воробьев); ***История с изменениями в Конституции Украины очень походила на третьесортную постановку, которая в итоге привела к гибели людей*** (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов); ***Театр абсурда дошёл до того, что оппоненты основным аргументом выбрали утверждение, что во всём виноват Путин*** (АиФ. Там же).

Развитие событий конфликта интерпретируется как осуществление написанного заранее сценария: ***По мнению экспертов, именно страх падения с мнимого Олимпа заставляет правящую элиту Украины прилагать все усилия, чтобы не допустить развития мирного сценария на Юго-Востоке страны... По мнению Захарченко, худшим сценарием развития событий может быть развал страны... По их мнению, сценарий третьего Майдана может быть запущен в случае, если Пётр Порошенко перестанет играть отведённую ему роль*** (АиФ. 10.02.2015. Майдан версии 3.0. Будет ли новый переворот на Украине? Екатерина Ларинина).

В моделировании политической жизни Украины подчеркивается идея несамостоятельности действий руководства Украины и политических сил: ***Вывод из этой истории достаточно простой: все события, произошедшие 31 августа, были срежиссированы, а каждая политическая сила сыграла отведённую ей роль*** (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов). Значительные выразительные возможности в выражении идеи несамостоятельности действий политических сил имеет слот сферы-источника «кукольный театр», актуализуемый с помощью метафоры «нити кукловода»: ***Кроме того, все экономические нити находятся в руках президента: Нацбанк возглавляет соратница Порошенко Валерия Гонтарева, Минфин – специально выписанная из-за границы Наталья Ярьсько, Минэкономики – Айварас Абромавичус, который вершит реформы при полной поддержке главы государства*** (АиФ. 28.07.2015. Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях. Екатерина Ларинина); ***Уйдя из сферы публичной политики, испугавшись потери бизнеса, он не отпустил из своих рук нарабатываемых года-***

ми нитей воздействия на едва ли не все сферы жизни в современной Украине (Там же).

С помощью метафоры дается оценка отдельных действий политиков как внешних, не затрагивающих существа процесса: *Этот аргумент заключается в том, что если фактически **декоративные поправки** в Конституции, которые не дают никакого статуса ДНР и ЛНР, вызывают такую бурную реакцию у значительной части украинского политикума* (АиФ. Там же).

Как правило, ресурс театральной метафоры используется для характеристики действий политиков современной Украины, однако иногда в качестве действующего лица современной драмы появляется так называемый представитель «простого народа»: ***На авансцену, не таясь, вылез** какой-то подвыпивший люмпен в каске и стал отчаянно показывать «факи» ненавистному «Беркуту»* (РГ. 23.01.2014. Юрий Снегирев. Первая кровь).

В оппозиционном издании интерпретационный ресурс данной метафорической модели используется для создания образа президента России, оценки его роли в создании и развитии геополитического конфликта. Он представлен в образах актера и заказчика спектакля: *...среди новых декораций сидел старый **Путин. Заигравшийся актер** вдруг увидел себя со стороны, чужими иностранными глазами и даже посмеялся над собой* (ГРу. 19.12.2014. Лепет оправдания. Илья Мильштейн); *И где-то там, на заднем плане, невидимый, вроде Сталина **за кулисами показательных процессов*** (ГРу. 11.02.2015. Палачи и дивчина. Илья Мильштейн); *Чудится **главный заказчик** этого зрелища, великий стратег и геополитик* (ГРу. Там же).

В качестве публики представлены оппозиционные силы, выносящие оценку действиям актера: *Публика изнемогает от смеха* (ГРу. Там же).

Другие виды игровой метафоры дополняют идею смоделированности конфликта, того, что он возникает в силу целенаправленной деятельности, и дают оценку несерьезности такой деятельности: ***Заигрались. Киев стремительно теряет доверие своих и чужих*** (АиФ. 03.06.2015. Автор не указан). Однако, в отличие от театральной метафоры, обращение к концепту *игра* может быть мотивировано необходимостью актуализировать идею направленности действий субъектов конфликта на выигрыш, получение позитивного результата для себя: *Но давайте подумаем хладнокровно – а что **он выиграл** на самом деле?* (ГРу. 13.02.2015. Гарант войны. Виталий Портников).

При оценке вклада **игровой концептуальной метафоры** в формирование образа геополитического конфликта важно учитывать то, что при моделировании избирается прежде всего образ карточной игры, вводимый через слоты *козырь* и *шулер* и используемый для изображе-

ния действий лидеров противоборствующих государств: *Кроме того, события понедельника дали Порошенко ряд козырей перед выборами и переговорами в рамках «нормандского формата»* (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов); *Но Путина это вполне устраивает. У него, как у опытного шулера, в рукаве припасен еще один козырь* (ГРу. 29.06.2015. Вернуть Таганрог. Борис Соколов); *Получил все, что хотел, заставил Украину содержать Донбасс и даже провести конституционную реформу, которая гарантирует особый статус оккупированным Россией районам этого региона. А взамен что? Прекращение наступления? Вот уж действительно грассмейстер!* (ГРу. 13.02.2015. Гарант войны. Виталий Портников). В данном контексте метафора является еще и средством реализации иронии, оборачивающей положительный образ грассмейстера в насмешку.

Приведенные концептуальные метафоры, будучи направленными на моделирование разных объектов, характерны как для правительственного и проправительственного изданий, так и оппозиционного.

Две следующие концептуальные модели, имея более ярко выраженный оценочный вектор, **эксплуатируются авторами оппозиционного издания «Грани.Ру»** для характеристики позиций России и ее лидера в рассматриваемом геополитическом конфликте.

На основе мотивирующего фрейма *торговля* в оппозиционном издании ГРу ситуация на Украине интерпретируется как предмет торга между Россией и Западом – реализуется **коммерческая метафора**. Слот товара занимают территории (Крым) и жизни людей: *Значит, торгуясь с европейцами и Порошенко, за эту жизнь надо назначать особую цену, и мы можем лишь догадываться о том, чего требует Москва, когда речь заходит о судьбе заложницы* (примечание 2) (ГРу. 01.05.2015. Надежду на волю. Илья Мильштейн). Товар обладает ценой, которая может быть *высокой* или *неизвестной*, при этом особенность реализации данной метафоры в текстах оппозиционных изданий заключается в проецировании не совсем стандартной ситуации торга: цену платит не благоприобретатель, а третье лицо: *В-четвертых, совершенно не понятно, чем вообще обернется ситуация с Крымом и какую цену в широком смысле придется всем россиянам за этот полуостров платить* (ГРу. 10.12.2014. На мосту не в ногу. Илья Мильштейн). В роли торговца выступает президент страны. Торговец приобретает определенную выгоду, однако не платит сам (происходит модификация привычной структуры фрейма сферы-источника «торговля»). Роль плательщика выполняет народ, который, согласно оппозиционному изданию, несет потери: *Если выгоды заключаются главным образом в росте рейтинга власти и общественной эйфории (впрочем, уже проходящей) от «вставания с*

колен», то **потери, которые Россия уже понесла и понесет, постоянно растут** (ГРу. 19.03.2015. Два острова. Николай Петров). Модусные смыслы, актуализируемые путем метафорической интерпретации, зависят от того, как интерпретатор распределяет позиции. Метафоры оппозиционного издания представляют нечестный и не выгодный для россиян торг с целью сформировать негативную оценку действий президента РФ.

Мотивирующий фрейм *криминал* выступает сферой-источником еще одной яркой концептуальной метафоры – **криминальной**. Посредством этой метафоры оппозиционное издание стремится представить действия российских властей как на международной арене, так и внутри страны как деятельность организованной преступной группы: **«Все те же мелкие жулики вместо власти... Все тот же бандитский притон вместо государства»** (ГРу. 31.12.2014. От Майдана до Манежки. Виталий Портников).

Слот главы группировки занимают высшие чиновники России: **И вряд ли случайно главарь гангстеров из Следственного комитета Бастрыкин только что выступил с предложением исключить из Конституции статью о приоритете международного права над национальным** (ГРу. 27.02.2015. Преступление против мира. Александр Скобов). Необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные критические и подчас балансирующие «на грани фола» эпитеты по отношению к Президенту РФ В.В. Путину в рамках других метафор (ср. морбиальную), оппозиционное издание не присваивает ему метафорических номинаций в фреймовой структуре данной метафоры. Тем не менее встречаются текстовые фрагменты, представляющие В.В. Путина прямо или метонимически как субъекта преступных действий: **Прошлой весной Владимир Владимирович не просто «аннексировал», «отжал» или «освободил» Крым** (ГРу. 22.05.2015. Что кинет он? Илья Мильштейн). Слот жертв преступлений заполняют конкретные люди или территории.

Криминальная концептуальная метафора может создаваться на основе актуализации смежного фрейма сценарного типа – за преступлением следуют суд, приговор и наказание. Набор возможных действий в рамках данного сценария достаточно широк: **Более того, можно попытаться закошмарить суд, демонстрируя крутость и негибкость. ... Уходить в неосознанку. ... Можно просто не явиться в суд, отгородившись «искандерами» и железным занавесом, это еще называется пуститься в бега. Правда, в подобных случаях судьи иногда выносят пусть и заочные, но особенно жесткие приговоры** (ГРу. 03.07.2015. Везде у нас отчет. Илья Мильштейн). В качестве судей оппозиционное издание представляет мировую общественность в лице западных политиков. Благодаря использованию лексем, связанных с

криминалом и криминальным миром, авторы «Граней.ру» моделируют Россию и ее политических деятелей как опасных, беспринципных и заслуживающих порицания. Носителями справедливости, в свою очередь, являются, в интерпретации авторов оппозиционного издания, западные нации и политики. Налицо полярное распределение модусных смыслов при моделировании геополитического конфликта через концептуальную сферу криминальной метафоры: Запад – положительные, Россия – отрицательные.

Мы отмечаем значительное пересечение типов концептуальных метафор: в моделировании конфликтной геополитической ситуации в российских оппозиционных и проправительственных изданиях с опорой на смысловой интерпретационный ресурс морбиальной, театральной и игровой метафоры. Безусловно, данными метафорическими моделями не исчерпывается концептуальное моделирование конфликта анализируемых медийных источников. Так, например, морбиальная метафора, включающая в смысловой состав концепт деструкции, определенным образом резонирует с концептуальными метафорами разрушения физических объектов, ср.: *Ночью стелы стадиона «Динамо» озаряются вспышками. Днем поднимается дым и слышится нестройное пение гимна Украины. «Малая земля» словно след от камня на лобовом стекле. Отсюда пошли трещины по Украине* (РГ. 23.01.2014. Первая кровь. Юрий Снегирев); *За этот год на Украине случилось столько всего чрезвычайного. Пришедшие к власти националисты и радикалы ломали страну через колено* (РГ. 21.02.2015. Год после «майдана»: как разрушили Украину. Владислав Воробьев).

Однако именно данные три концептуальные модели наиболее последовательно репрезентируются в лексическом слое проанализированных текстов, взаимодействуя друг с другом и формируя самостоятельные, но соотносимые смысловые акценты в интерпретации геополитического конфликта. Образование конкретных лексических метафор в концептуальном поле данных структурных метафор, моделирующих социальные процессы на основе концептуальных сфер «болезнь», «театр», «игра», имеет несомненную аксиологическую направленность. При этом были выявлены две закономерности: в фокусе моделирования находятся субъекты социальных процессов, и при этом обнаруживается доминирование их отрицательной оценки. Через концептуальные призмы игровой и театральной метафоры актуализируются аспекты личной ответственности политических деятелей за появление и разворачивание конфликта. Конфликт предстает как то, что является результатом их деятельности: написан сценарий, действие срежиссировано, политики, скрываясь за кулисами, определяют его развитие, разыгрывая комбинации, дергая за ниточки

безвольных исполнителей. В рамках театральной и игровой метафоры отрицательно оценивается и сам конфликт, и его развитие в образах низких жанровых форм сценического искусства, а также карточной игры, связанной с образами азарта и нечестности. В рамках данных моделей народ – пассивный участник конфликта – лишь изредка выходит на авансцену процесса, будучи представленным в виде *пьяного люмпена*. Однако в рамках морбиальной метафоры народ столь же регулярно моделируется как субъект, наряду с политическими деятелями представая в образе *безумца*.

Еще раз подчеркнем, что данные модели в целом единообразно используются в трех изданиях с одним, но существенным различием. В газетах «Российская газета» и «Аргументы и факты» моделирующий потенциал данных метафор используется при интерпретации роли украинского народа, ее государственных и политических деятелей, в то время как «Грани.ру» направляет оценочно-интерпретационный потенциал концептуальных метафор для характеристики российского народа, российских политиков и государственных деятелей.

Анализ текстов названных изданий позволил выявить также повышенную метафоричность оппозиционного издания, что проявляется в том, что наряду с тремя общими концептуальными моделями, его смысловой слой формируется также в значительной мере опорой на интерпретирующую направленность криминальной и коммерческой метафор, способствующих формированию более насыщенного оценочного отрицательного фона текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мы расширенно истолковываем в данном случае фрейм «театр», включая все виды сценического искусства: театр, цирк, кино, телевидение.

2. Под «заложницей» подразумевается летчица Н. Савченко.

ЛИТЕРАТУРА

Antonova 2014 - Antonova T.G. Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 368–373.

Fairclough 1995 - Fairclough N.L. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

Gibbs 2014 - Gibbs R.W. Conceptual metaphor in thought and social action //

The power of metaphor: Examining its influence on social life / M. Landau, M. Robinson, & B. Meier. Washington, DC: APA Press, 2014. P. 17–40.

Hall et al. 1980 - *Hall S. et al.* Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980. 320 p.

Lakoff 2009 - *Lakoff G.* The Political Mind. Penguin Books, 2009. 320 p.

Lakoff, Johnson 2003 - *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. University Of Chicago Press, 2003. 256 p.

Landau, Nelson, Keefer 2015 - *Landau M.J., Nelson N.M., Keefer L.A.* Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? // Metaphor and Symbol. 2015. Vol. 30, № 4. P. 314–338.

van Dijk 2008 - *van Dijk T.A.* Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

Антонова 2013 - *Антонова Т.Г.* Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // Язык и культура (Приложение). 2013. № 2. С. 5–8.

Будаев 2010 - *Будаев Э.В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9–23.

Каслова 2013 - *Каслова А.А.* «Кризисные» метафоры в английском экономическом дискурсе (на примере экономического кризиса на Кипре) // Перевод и сопоставительная лингвистика / Гл. ред. А.А. Каслова. 2013. № 9. С. 61–64.

Мурай 2010 - *Мурай Е.В.* Фреймовые семантики и моделирование образа политика в англоязычной публицистике (гендерный аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 593. С. 159–165.

Найдина 2015 - *Найдина Д.С.* Функционирование метафоры в процессах манипулирования в нефтегазовом субдискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 33–37.

Пшенкин 2006 - *Пшенкин А.А.* Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 146–161.

Резанова, Шиляев 2014 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Особенности ключевой текстовой метафоры в романе Дж. Лондона «Michael, Brother Of Jerry» и его переводе «Майкл, брат Джерри» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 118–126.

Силантьев 2006 - *Силантьев И.В.* Газета и роман. Риторика дискурсных смешений. Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

Ульманн 1970 - *Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1970. № 5. С. 250–299.

Чернявская 2006 - *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. М.: Флинта, 2006. 136 с.

Чудинов 2001 - *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когни-

тивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Шиловская 2008 - Шиловская Е.Н. Сравнительно-сопоставительный анализ частотности варьирования метафор в немецкой, английской и российской рекламе автомобилей // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 194–202.

REFERENCES

Antonova, T.G. (2013) Metaforicheskoe modelirovanie sotsial'nogo konflikta v mediadiskurse: klyuchevye diskursivnye metafory [Metaphorical modeling of social conflict in media discourse: key discourse metaphors]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2. Appendix. pp. 5-8.

Antonova, T.G. (2014) Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 368-373. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.165

Budaev, E.V. (2010) Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza [Political linguistics: aspects of comparative analysis]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 1(31). pp. 9-23.

Chernyavskaya, V.E. (2006) *Diskurs vlasti i vlast' diskursa* [Discourse of power and power of discourse]. Moscow: Flinta.

Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia and its metaphorical reflection: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Fairclough, N.L. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.

Gibbs, R.W. (2014) Conceptual metaphor in thought and social action. In: Landau, M., Robinson, M. & Meier, B. (eds) *The power of metaphor: Examining its influence on social life*. Washington, DC: APA Press. pp. 17-40.

Hall, S. et al. (1980) *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson.

Kaslova, A.A. (2013) "Krizisnye" metafory v angliyskom ekonomicheskom diskurse (na primere ekonomicheskogo krizisa na Kipre) [Crisis metaphors in English economic discourse]. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*. 9. pp. 61-64.

Lakoff, G. (2009) *The Political Mind*. Penguin Books.

Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors We Live By*. University Of Chicago Press.

Landau, M.J., Nelson, N.M. & Keefer, L.A. (2015) Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? *Metaphor and Symbol*. 30 (4). pp. 314-338. DOI: 10.1080/10926488.2015.107480

Muray, E.V. (2010) Freymovye semantiki i modelirovanie obraza politika v angloязычной publitsistike (gendernyy aspekt) [Frame semantics and modeling of a politician's image in English social journalism (gender aspect)].

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University. 593. pp. 159-165.

Naydina, D.S. (2015) Metaphor functioning in manipulation processes in oil and gas subdiscourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 33-37.

Pshenkin, A.A. (2006) Metaforicheskiy obraz SSSR / Rossii v amerikanskom i rossiyskom politicheskom diskurse [Metaphorical image of USSR / Russia in American and Russian political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 20. pp. 146-161.

Rezanova, Z.I. (2013) Conflict situation in the language consciousness of native Russian speakers (an associative experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(23). pp. 34-42.

Rezanova, Z.I., & Shilyaev, K.S. (2014) Osobennosti klyuchevoy tekstovoy metafory v romane Dzh. Londona "Michael, Brother Of Jerry" i ego perevode "Maykl, brat Dzherri" [Distinctive features of the key textual metaphor in the novel "Michael, Brother of Jerry" by J. London and its translation into Russian]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 118-126.

Shilovskaya, E.N. (2008) Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz chastotnosti var'irovaniya metafor v nemetskoj, angliyskoj i rossiyskoj reklame avtomobiley [Comparative analysis of frequency of metaphor variation in German, English and Russian car adverts]. *Lingvokul'turologiya*. 2. pp. 194-202.

Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman. Ritorika diskursnykh smesheniy* [Newspaper and novel. The rhetorics of discursive blendings]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Ul'mann, S. (1970) Semanticheskie universalii [Semantic universals]. *Novoe v lingvistike*. 5. pp. 250-299.

van Dijk, T.A. (2008) *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Rezanova Z. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Шильяев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev K. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shilyaevc@gmail.com